

УДК 81'42 (ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИКРОЖАНРОВ НАРОДНОЙ РЕЧИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИОННОЙ ГАЗЕТЕ

© 2008 Г.М. Шипицына, С.А. Свистельникова

Старооскольский филиал Воронежского государственного университета

Поступила в редакцию 20 октября 2008

Аннотация: Для усиления агрессивной прагматики критических материалов авторы оппозиционной газеты «Слово коммуниста» обращаются к средствам языкового выражения юмора (иронии, сарказма и т.д.). С этой целью эксплуатируются древние микрожанры устного народного творчества, в том числе и в роли прецедентных текстов, когда используется лишь композиционная форма и некоторые жанрообразующие фрагменты текста.

Ключевые слова: речевой жанр малой формы, прагматический потенциал газеты, поговорка, поговорка, частушка, загадка, народная примета, СМИ.

Abstract: The authors of the opposition newspaper "The Communist's Word" use linguistic devices of humour (irony, sarcasm, ancient micro genres of folklore and others) to increase aggressive pragmatics of criticism. Ancient micro genres of folklore are also employed as precedent texts (i.e. only composition form and some genre-forming fragments of the text are used).

Key-words: Speech genre of small form, pragmatic potential of the newspaper, proverb, saying, chastushka (humorous rhyme), riddle, superstition, mass media.

Речевые жанры мы понимаем как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [2, 255], при этом под высказыванием понимается (по М.М. Бахтину) не речевой эквивалент предложения, а завершенная единица коммуникации, отграниченная от аналогичных единиц сменой субъектов речи. Такие высказывания можно квалифицировать как тексты [9, 102]. В нашем случае — это тексты малой формы и длины, в том числе небольшие тексты, находящиеся в составе более крупных текстов. Речевой жанр характеризуется триединством тематического содержания, стиля и композиции высказывания [9, 237-238].

«В последние десятилетия жанроцентризм преобладает на лидерство и универсализм», поскольку активно ведется поиск базовой единицы речи и продолжается прагматизация современной коллоквиалистики в целом [3, 109], потому исследование языка и стиля речевых жанров в различных аспектах остается актуальной задачей лингвистики.

В данной статье мы рассмотрим использование речевых жанров малых форм в оппозиционной к современной российской власти газете «Слово коммуниста» (региональная газета КПРФ Белгородской области). В задачу данной статьи входит установление состава речевых жанров малых форм и их характеристика в аспектах структуры, функциональной семантики и прагматического потенциала.

Общий эмоционально-экспрессивный тон информационных материалов этой газеты вполне соответствует тону очень активного в своих притязаниях борца за возвращение ему благ и идеалов, утраченных в условиях нынешней России с иными идеалами и ценностями, а также формами распределения и добывания людьми жизненных благ.

Контрастность политических, культурных и особенно экономических ролей и возможностей у различных социогрупп российского общества породили коммуникативную агрессивность как наиболее характерную черту оппозиционной прессы. В частности, в газете «Слово коммуниста»

© Шипицына Г.М., Свистельникова С.А., 2008

ярко проявляется тенденция к переходу от инфантилизма сознания и языка удовлетворенного так называемым социалистическим образом жизни советского человека к позиции негодующего, неожиданно обиженного судьбой, который и выражает свое мироощущение в экспрессивных формах речи. Коммуникативная агрессивность проявляется в активизации оценочного политического дискурса как элемента речевого портрета оппозиционной газеты, в которой речевая воля авторов направлена на борьбу с реалиями сегодняшнего дня иллюкативной силой текста газетного сообщения.

Яркой особенностью политического дискурса региональной газеты «Слово коммуниста» является языковое оформление информационных материалов особым стилем, который можно назвать стилем архаичной народности. Этот стиль создается обилием оценочно-негативных средств выражения социального пессимизма с прагматикой осуждения всего, что исходит от государственной власти, и ностальгией по справедливой и хорошей жизни периода господства коммунистов. Поскольку большая часть читательской аудитории анализируемого издания – люди пенсионного возраста, многим из которых более семидесяти лет, создателями газетных материалов выбираются такие языковые средства и жанры текстов, которые для людей преклонного возраста, по мнению редакции этой газеты, должны быть привычными, близкими и понятными. Кроме того, создатели газетных материалов, на наш взгляд, озабочены реализацией еще одного очень важного для этой газеты стилиобразующего фактора – демонстрацией единства жизненных концепций субъекта и адресата публикуемого материала, единства этнокультурного наследия, единства социально-политической ориентации и эмоционального состояния, общности бед и страданий, обрушившихся и на автора, и на потребителя напечатанных материалов. Их автор – не только сочувствующий читателю, он такой же пострадавший, из среды новых обиженных и угнетенных. Потому субъект речи по способу языкового оформления обычно совпадает с адресатом речи, он выражен местоимениями со значением «говорящий совместно с другими лицами» *мы, наш* и их падежными формами или глаголами с личными окончаниями такого же значения. Например,

*Трудовой народ России,
Думай, как голосовать,
А не то купец и барин
Будут дальше нас терзать* (Ск № 45, 2007).

*Незаметно, невзначай
Стал бесстыдно дорог чай.
Аромата, вкуса нет,
Платим, стало быть, за цвет* (Ск № 45, 2007).

Различные манифестанты субъекта речи противопоставляются именам существительным, обозначающим обидчиков, которые непременно сознательно, заранее продуманно создают различные неприятности и беды *нам, нашим людям*. Это *богачи, бары, новые русские, купцы, оборотни, политические проститутки, олигархи, воры, кровососы, нахлебники, дума, правительство, президент и его команда, Чубайс, Зурабов, Гайдар, Жириновский, Кудрин, Швыдкой*, которые все вместе могут обозначаться собирательными именами *банда, шайка, сборище негодяев, ворье, жулье* и т. п.

Этими стилиобразующими факторами мы объясняем то, что ведущими жанрами малых форм газеты «Слово коммуниста» оказываются микрожанры устного народного творчества – пословицы, поговорки и похожие на них варианты народных афоризмов, частушки, загадки, присказки, народные приметы, поверья и предсказания, басенные морали, незатейливые стишки – продукт примитивного рифмоплетства и т. п., – то есть все то, что для так называемого простого народа должно обеспечить ностальгическое погружение в родную языковую стихию. Кроме того, такие произведения – речевки легко запоминаются. В своем основном варианте эти жанры в газете «Слово коммуниста» употребляются редко. Обычно они используются в качестве прецедентных текстов, с эксплуатацией всего лишь некоторых особенностей жанровой формы, отдельных элементов композиции или фрагментов классического текста фольклорного микрожанра. Содержание же нового варианта такого произведения мало соответствует творческому богатству, этическому потенциалу и духу подлинно народного произведения, потому жанры малых форм газеты «Слово коммуниста» точнее следует называть псевдопословицами, псевдопоговорками, псевдоприметами, псевдозагадками и т. д.

Как и следовало ожидать, наиболее частотным эксплуатируемым жанром устного народного творчества для газеты «Слово коммуниста» оказываются паремии – поговорки и пословицы. Благодаря динамичности своей структуры и высокой концентрации выраженного в паремиях общекультурного и житейского опыта этноса, воплощенного в веками отточенной форме, паремии как репрезентанты национальной концептосферы остаются наиболее востребованным и культурно значимым жанром народного творчества. Этому способствуют семантические и структурные особенности паремий. Как показали исследования, у паремий, особенно у пословицы, текстовый хронотоп (соотношение субъекта, действия, времени и пространства совершения действия) не играет решающей роли в создании сюжетно-событийного плана текста. Для пословицы важно

«прагматическое выражение события как свода оценок, рекомендаций, установок и фиксаций социально важных фактов и закономерностей, ради которых, собственно, и используется в речи пословица», важна также «инвариантная сущность семантической пропозиции, лежащей в основе высказывания и служащей фундаментом для образования обобщенного значения пословицы [7, 145]. Это главные свойства пословиц, определившие саму возможность развития ее инвариантов как способа функционирования и «жизнестойкости» пословицы во времени и пространстве.

Выбирая паремию для реализации своего коммуникативного замысла и выражения иллюкутивной силы сообщения, автор уже самим этим выбором фактически информирует адресата речи о типичности, правдивости своей информации, якобы многократно подтвержденной практикой и ставшей закономерностью в такой степени, что содержание сообщения достойно обобщения в пословично-поговорочной форме.

Приведем примеры речевой продукции белгородской газеты «Слово коммуниста».

И вот в этой обстановке наш президент, его подручные в центре и на местах призывают нас к согласию, к единству действий в борьбе с бедностью, терроризмом, коррупцией. Здорово придумали! Их же салом да нам и по мусалам (Ск № 43, 2004).

Это вариант трансформированной паремии *Нашим же салом да нам и по мусалам*, весьма архаичной: слово *мусалы* в словарях русского языка XX века мы не нашли. Устаревшее ныне слово *мусалы* в словаре В.И. Даля приводится с синонимом *скулы*. Обобщенный смысл инварианта пословицы может быть истолкован приблизительно так: «за наше добро нас же и наказывают этим добром» или «сделанное кому-то наше хорошее используют для нанесения нам же обиды и вреда». Есть еще одна паремия с элементом *салом по*: *Тем же салом, да по тем же ранам* [1, 299]. Однако ни один из приведенных исходных вариантов употребленной в тексте паремии, равно как и сам ее контекстный вариант, не соответствует смысловому и прагматическому содержанию контекста, то есть непонимание смысла пословицы породило в данном случае коммуникативную неудачу, однако ее последствия для получателя информации незначительны, поскольку предваряющий пословицу контекст доносит его прагматику благодаря ироничному восклицанию *Здорово придумали!*

Мы, если надо, сутками будем пикетировать здание, где вы окопались, но вам ваш вандализм не пройдет. Он еще аукнется на предстоящих выборах (Ск № 32, 2005).

Оригинал пословицы: «*Как аукнется, так и откликнется*» [1, 124]. По изображаемой ситуации для контекста по смыслу больше подходит

вторая часть пословицы со словом *откликнется*, поскольку в ней называется следствие некоего действия (в контексте: вандализм — это действие, то есть то, что *аукнулось*, а следствие его ожидается на выборах). Очевидно, автор, особо не задумываясь над значением пословицы (то же, что и в первом примере), избирает менее частотное по употреблению слово *аукнется*, которое скорее и надежнее позволит адресату речи вспомнить пословицу со смыслом «каждый получит ответ, адекватный содеянному». Есть и другие примеры контекстов, в которых пословицы употреблены без учета их смысла, ради пословичной формы как показателя народной речи и выразителя проверенного временем народного опыта. Разумеется, на страницах анализируемой газеты гораздо больше правильных употреблений паремий, соответствующих контексту по смыслу и форме, но они касаются наиболее известных, частотных паремий. Например,

От жизни, которая сложилась на селе за последние пятнадцать лет, хочется волком выть и бежать от родных очагов куда подальше (Ск № 44, 2006). *Волком выть* — фразеологическое сочетание, но есть и паремия с таким элементом: *Выть тебе волком за твою волчью простоту* [1, 57].

ЛДПР нужны деньги на выборы, а «Интеко» нужен реванш во взаимоотношениях с белгородскими чиновниками. Вот они и спелись, эти, если можно так сказать, «два сапога — пара» (Ск № 39, 2005).

Следующей по частотности использования на страницах газеты «Слово коммуниста» и по силе эмоционального воздействия среди малых фольклорных жанров оказывается частушка. Частушка — «жанр русского словесно-музыкального фольклора, короткая (обычно четырехстрочная) песенка быстрого темпа исполнения» [5, 493]. В основе языка частушки лежит обычно живая разговорная речь, здесь также возможны просторечия и иные средства нелитературных вариантов общенационального языка. Типовая композиция частушки накладывает определенные ограничения на содержательный замысел своего творца: каждая частушка предполагает исчерпанность сюжета в раскрытии темы, исчерпанность субъективно-эмоциональной или экспрессивной и, как правило, яркой оценки предметно-смыслового содержания частушки. «Частушка, — писал известный собиратель произведений этого жанра В.И. Симонов, — выражает один момент, одно мимолётное переживание человека в данную минуту» [4, 229]. Тематика частушек весьма разнообразна. Она охватывает все сферы человеческого бытия, начиная любовной и заканчивая социально-политической.

Рассматриваемый материал показывает, что на страницах газеты «Слово коммуниста» помещаются частушки социально-политической

и бытовой тематики. Они призваны выполнять те же задачи по реализации коммуникативного замысла субъекта речи, что и паремии, то есть критически оценивать порядки современной России и «антинародные» действия современных властных структур. Например:

*Захотела тётя Ира
Запастись головкой сыра.
Касса плату подсчитала –
Тётя вдруг заикой стала* (Ск № 45, 2007).

Это как же? Это что же?
Что ни день – житеё дороже!
*Люди стали так «богаты» –
Отвыкают от зарплаты* (Ск № 43, 2006).

Как и в случаях использования паремий, не все частушки создаются с ясным содержанием. В данном случае для автора частушки ее жанровая форма оказывается важнее воплощенного в сообщении содержания. Так, в контексте последней частушки трудно разгадать смысл фрагмента *отвыкают от зарплаты*. Если имелась в виду ситуация с задержкой зарплаты работающим людям, то она для белгородчины вообще не была типичной или хотя бы известной настолько, чтобы понять смысл частушки. Показательной, на наш взгляд, является особенность, объединяющая приведенные примеры, – это едкий сарказм.

Внимания заслуживает и такой микрожанр русского фольклора, встретившийся на страницах исследуемого нами оппозиционного издания, как народная примета, в контексте смыкающаяся с близкими для приметы жанрами – поверьем и предсказанием, а также народным афоризмом.

«Народные приметы – это проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженные в краткой, метафорической форме» [8, 6]. Народные приметы характеризуются комплексом уникальных когнитивных, культурологических и лингвистических характеристик и имеют двучленную структуру: в первой части сообщается некое событие, а во второй прогноз, причем, событие понимается как сигнал-оповещение о том, что неминуемо последует за ним (прогноз). Во многих приметах есть и третий компонент структуры – страховка на случай плохого прогноза, то есть предлагаемое действие как фактор снятия прогнозируемого последствия-события или хотя бы значительное уменьшение вреда от него (для примет в целом третий компонент факультативен). Примета – важное звено национальной картины мира и ментальности народа, поэтому не удивительно, что этот фольклорный микрожанр широко используется

авторами материалов оппозиционной газеты для создания своего стиля архаичной народности. Но так же, как и другие микрожанры фольклорного типа, в анализируемой газете приметы и предсказания используются в большей степени как прецедентная композиция, в которой актуализированы лишь отдельные черты и признаки этого жанра, чаще всего используется форма первой части приметы (сообщение о событии) и третья – страховка как противодействие плохому прогнозу. Например:

Если видишь пыль и дым
На фабричной секции –
Ты не верь глазам своим,
Верь своей дирекции... (Ск № 20, 2006).

Если исчезнет нищета (а с нею и бесплатный труд), рухнет паразитирующая на народном теле олигархия (Ск № 32, 2005).

Есть толстый кошелек – все врачи и вся медицина к твоим услугам. Если же ты малоимущий житель г. Белгорода, например, держи путь на Ячневое (городское кладбище) (Ск № 49, 2005).

Соединение первой части приметы (события) с его последней (факультативной) частью сближает приметы с афоризмами и жанром публицистического лозунга. Например,

Если власть не хочет меняться, не хочет менять свою идеологию, следует менять власть (Ск № 45, 2007).

В газете «Слово коммуниста» используется и такой древний жанр устного народного творчества, как загадка – «иносказательное поэтическое воспроизведение какого-либо предмета или явления, испытывающее сообразительность отгадывающего» [5, 109]. Структура загадки основана на метафорическом сближении далёких областей предметно-вещественного мира и заставляет отгадывающего увидеть неожиданную сторону в самых обычных вещах [5, 109]. Язык загадок, как и язык всех фольклорных жанров, отличают точность, красочность и выразительность. В анализируемом нами издании загадки используются для выражения инвективной оценки зашифрованного предмета (обычно имени идеологического противника). Например,

Есть у власти протезе –
Депутат на букву «Ж»...
Он и клоун, он и шут,
Демагог и просто плут! (Ск № 45, 2005).

Как и другие микрожанры анализируемой газеты, загадки сближаются с иными жанрами малых форм, при этом и те и другие используются в качестве прецедентной композиции или формы. В этом плане показательна загадка-эпиграмма, созданная по образцу пушкинской эпиграммы на генерал-губернатора Новороссии графа М.С. Воронцова:

*Полу-милорд, полу-купеи,
Полу-мудреци, полу-невесжда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным, наконец* (А.С. Пушкин).

Загадка-эпиграмма в газете «Слово коммуниста» (в газете дана без отгадки):

*Полу-резун, полу-Калугин,
Полу-Собчак, полу-Шведкой,
Полу-Зурабов, полу-Кудрин...*

Так всё же, кто это такой? (Ск № 45, 2005).

В последнем тексте интересен архаизм *резун*, это устаревшее название режущей травы осоки (по данным словаря В.И. Даля). Но в какой семантической функции оно в данном контексте используется — остается неясным, отгадать эту загадку слово *полу-резун* тоже не помогает.

Подводя итог, отметим следующее: информация в оппозиционной газете «Слово коммуниста» представляется особым архаично-народным стилем, ориентированным на читателя преклонного возраста, поэтому в составе языковых средств нередко устаревшие слова и выражения. Для усиления агрессивной прагматики критических материалов авторы и редакторы этой газеты обращаются к средствам языкового выражения юмора (иронии, сарказма и т. д.). С этой целью эксплуатируются древние микрожанры устного народного творчества, в том числе и в роли прецедентных текстов, когда используется лишь композиционная форма и некоторые жанрообразующие фрагменты текста. В связи с этим регулярна диффузия и синкретизм речевых жанров анализируемой газеты. Общий уровень нормативной и художественной обработки материалов не настолько качественен, чтобы можно было говорить об образных или стилистических достоинствах анализируемых текстов этой газеты. И, тем не менее, как это ни парадоксально, использование малых фольклорных жанров в данной газете, как и в СМИ в целом, для функционирования современного русского языка — факт положительный, поскольку обращение к средствам и жанрам

народной речи способствует возрождению, сохранению и приумножению лучших традиций языка русского народа. Ведь современные СМИ являются самым мощным фактором общенационального воспитания, они «участвуют в создании духовной атмосферы в обществе через участие в формировании массового сознания во всех его сторонах и формах» [6, 165].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки / В.П. Аникин. — М.: Худож. лит., 1988. — 431 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
3. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике / В.В. Дементьев. — Вопросы языкознания, 1997, № 1. — С. 109-121.
4. Кравцов В.И. Русское устное народное творчество: Учебник для филол. факульт. ун-тов. / В.И. Кравцов, С.Г. Лазутин. — М.: Высшая школа, 1977. — 375 с.
5. Литературный энциклопедический словарь. Под общей редакцией Кожевникова В.М., Николаева П.А. — М.: Сов. энциклопедия, 1987. — 752 с.
6. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: учеб. пособие / Е.П. Прохоров. — М.: Изд. РИП-холдинг, 2000. — 308 с.
7. Семенов Н.Н. Русская пословица: функции, семантика, системность / Н.Н. Семенов, Г.М. Шипицына. — Белгород, 2005. — 172 с.
8. Тонкова Е.Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тонкова Е.Е. — Белгород, 2007. — 18 с.
9. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М.Ю. Федосюк. — Вопросы языкознания. — 1997. — № 5. — С. 102-120.

Шипицына Г.М.

*Старооскольский филиал Воронежского государственного университета.
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания.
shipitsina@bsu.edu.ru*

Свистельникова С.А.

*Старооскольский филиал Воронежского государственного университета.
Аспирант кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, преподаватель кафедры журналистики.*

Shipitsina G.M.

*Voronezh State University.
Doctor of Philology, Professor, Russian Language and Teaching Methods Chair.
shipitsina@bsu.edu.ru*

Svistelnikova S.A.

*Voronezh State University.
Post-graduate student at the Russian language and methods of teaching chair of Belgorod State University, lecturer at the journalistic chair.*